

— Сейчас нельзя терять время, — упрямо настаивал Ши Чанцай, не желая слушать доводы.

Дун Сюйюань, обнимая Ши Фан, молчала. Видя, что Ши Вэй собирается что-то сказать, она потянула его за рукав:

— Вэйвэй, не думай, что мама такая беспомощная. Я сильная! Во время голода я могла справиться с двумя нападавшими!

Она не видела ничего страшного в том, чтобы выйти с ребенком на улицу. С детства она скиталась по свету, и в молодости в ней была жесткость. Она знала, что может умереть в любой момент, поэтому дралась отчаянно, сражаясь и убегая, пока не добралась до деревни Шицзя.

Ши Вэй замолчал, его сердце наполнилось чувством вины и раскаяния.

После перерождения его душевное состояние было не совсем нормальным. Родители и младшая сестра стали его вечной болью, поэтому после возвращения в прошлое он стал чрезмерно заботиться о них, избегая резких или радикальных изменений. Даже в заработке денег он действовал осторожно. Он наслаждался временем, проведенным с семьей, но одновременно ограничивал себя.

Молчание Ши Вэй продолжалось до тех пор, пока он не сел в поезд вместе с Дун Сюйюань и Ши Фан.

— Вэйвэй, это отец виноват, что не смог заработать достаточно денег, чтобы обеспечить тебе достойную жизнь. Я исправлюсь, буду меняться постепенно, — Ши Чанцай женился на Дун Сюйюань рано, и ему было всего сорок два года, но его короткие волосы уже были седыми.

Ши Вэй почувствовал горечь в сердце, и снова нахлынуло раскаяние. Его психологический возраст уже был больше, чем у отца, но почему же его тело так слабо, что он поддался эмоциям?

— Папа, — Ши Вэй обнял своего седовласого отца, чувствуя, как комок подступает к горлу. — Ты не виноват, это я сошел с ума. Это я плохой.

— Ты хороший, — Ши Чанцай был не привык к такой близости со стороны сына. Он был одним из миллионов отцов Китая, которые никогда не говорили о своей любви к детям, но всю жизнь стремились сделать их жизнь лучше. — Самое большое достижение в моей жизни — это то, что я родил тебя! — Это были самые откровенные слова, которые он мог произнести.

Громкоговоритель начал объявлять посадку, и Ши Вэй с тяжелым сердцем сел в поезд, наблюдая, как его отец постепенно уменьшается и исчезает из виду.

У Ши Вэй, Ши Фан и Дун Сюйюань были спрятаны деньги. Помимо пятисот юаней, которые у них уже были, Ши Чанцай собрал еще пятьсот, занимая у соседей.

Соседи знали, что Ши Вэй едет учиться в университет, и каждая семья внесла по шестьдесят шесть юаней, чтобы пожелать ему удачи в пути. Также они знали, что Ши Фан едет на лечение, поэтому охотно давали деньги — по десять или двадцать юаней каждая семья, и в итоге набрали пятьсот.

В прошлой жизни из-за того, что Ши Чанцай обманули, и никто не поверил ему, отношения с соседями испортились. Люди давали деньги из доброты, не требуя возврата, но поведение Ши

Чанцай заставило многих усомниться в его честности.

Хотя позже все поняли, что Ши Чанцай не был тем, кто хотел обмануть, но после ссоры отношения уже не были такими, как раньше.

— Мама, садитесь внутрь, — Ши Вэй получил билеты благодаря помощи главы поселка. Три места были рядом, и все сидячие.

День и две ночи в жестком вагоне были не самым комфортным путешествием, но это было лучше, чем стоять в толпе.

— Фанфан, проснись, мы приехали, — поезд прибыл в Яньцзин около семи утра. Ши Вэй и Дун Сюйюань, неся багаж, вышли из вагона, а Ши Фан, держась за руки обоих, протискивалась через толпу.

В окнах поезда кипела жизнь: кто-то бросал внутрь багаж, кто-то вылезал наружу.

Это было неизбежно, так как в то время железнодорожных маршрутов было мало, и поезда ходили редко. В одном вагоне, рассчитанном на сто-двести мест, могло находиться триста-четырееста человек, как в консервной банке.

Их поезд опоздал, и вместо трех часов утра они прибыли на четыре с лишним часа позже, что избавило их от необходимости ночевать в зале ожидания.

— Пойдемте, сначала позавтракаем, — выйдя из вокзала, Ши Вэй взял сумку у Дун Сюйюань, чтобы она могла лучше следить за Ши Фан.

Дун Сюйюань с интересом разглядывала столичные пейзажи, и каждый раз, когда мимо проходил иностранец, она и Ши Фан ахали и широко раскрывали глаза.

— Эй, деревенщина! Отдавайте деньги! — Как только Ши Вэй с семьей вышли из закусочной, их путь преградила группа из десятка хулиганов.

Главарь, поставив ногу на стену и тряся ею, покачиваясь, самодовольно встряхнул волосами и нагло сказал:

— Не заставляйте нас применять силу!

Ши Вэй холодно посмотрел на них, рассчитывая, с кого начать драку.

С прошлого года началась кампания по борьбе с преступностью, но поскольку хулиганов было много, и их арестовывали волнами, обстановка в обществе была беспокойной. Большинство людей, выходя из дома, прятали на себе оружие — не только ножи и дубинки, но и пистолеты.

Отдавать деньги они не собирались. Каждая копейка была заработана тяжелым трудом, и Дун Сюйюань даже на миску каши за пять фэней жалела деньги, чтобы просто отдать их хулиганам.

Хотя Ши Вэй взял с собой нож и железный прут, он боялся, что в столице может столкнуться с хулиганами, вооруженными пистолетами. Поэтому, когда они появились, он не сразу бросился в бой.

Ши Вэй сделал шаг вперед, прикрывая Ши Фан и Дун Сюйюань, и с притворным страхом спросил:

— Если мы отдадим вам деньги, вы нас не тронете?

Дун Сюйюань отчаянно тянула его за одежду, но Ши Вэй не обращал внимания.

— Идиот! — Пустая бутылка из-под колы прилетела и угодила прямо в голову главаря.

Стеклянная бутылка ударилась о голову, и оставшаяся коричневая жидкость смешалась с красной.

Ши Вэй, хотя и был готов к драке, не ожидал такого поворота событий. Подумав, что это враги хулиганов, он поспешил отвести Ши Фан и Дун Сюйюань подальше, чтобы не попасть в переделку.

— Кто это! — Хулиганы тоже решили, что это их враги, и тут же вытащили мачете и длинные железные прутья, оглядываясь назад.

Ши Вэй уже собирался убежать с Дун Сюйюань и Ши Фан, но только сделал шаг, как замер.

Молодой человек с дерзкой улыбкой на лице, черные волосы слегка развевались на ветру, открывая глубокие, как бездонный пруд, холодные глаза.

Его длинная нога опиралась на педаль велосипеда, а другая свободно свисала, касаясь земли, создавая впечатление расслабленности. Но черный пистолет в его руке не выглядел расслабленным.

— Лу... Юаньчжи...

Ши Вэй пробормотал это имя, замороженный.

— Спасибо... и... здравствуй, — тихо произнес Ши Вэй, так, что никто, кроме него самого, не мог услышать.

— Сучонок, ты кто такой, чтобы так обращаться с моим боссом? Ты хочешь умереть? — ближайший к раненому главарю хулиган с острым лицом яростно кричал.

— Умру я или нет — не знаю, — уголки губ Лу Юаньчжи слегка приподнялись, но его взгляд оставался холодным, будто он не видел угрозы в этих десяти хулиганах. — Но кто-то из вас точно умрет.

Его спокойный голос звучал медленно, и по тому, как он не собирался убежать на велосипеде или слезать с него, было видно, что он не воспринимал сегодняшний грабеж всерьез.

Официальный запрет на оружие был введен в 1996 году. Раньше было очень опасно, так как не было контроля за холодным оружием, и даже в поездах не было досмотра. Мой дедушка рассказывал, что в те времена вечерами люди боялись выходить на улицу, и дома можно было слышать звуки выстрелов.

Для Ши Вэй Лу Юаньчжи был человеком, которому он был больше всего благодарен. К сожалению, судьба хороших людей часто бывает короткой. На третий год их знакомства Лу Юаньчжи умер.

Через месяц после его смерти тело, уже разложившееся до костей, было найдено. В то время Ши Вэй еще приходил в себя после жестокой реальности: он потерял ногу, его отец получил тяжелые травмы и впал в кому, а лучший друг умер. Он не мог выразить свои чувства, только

ощущал, что мир стал серым, и все его бросили.

В прошлой жизни Ши Вэй был должен Лу Юаньчжи бесчисленное количество "спасибо". Он много раз думал о том, чтобы стать лучше и отплатить ему добром, но этой возможности больше не было. Все закончилось тем жарким летом, когда вокруг кружили комары.

<http://bllate.org/book/16388/1483938>